

<ТУРГЕНЕВ И МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ>

Лет пять или шесть назад, в один из своих приездов в Москву, Тургенев рассказал нам следующее (речь шла о современной русской поэзии): «Получаю я однажды в Париже, при письме, толстую тетрадь — вернее, целый рукописный том, русских стихотворений под общим заглавием: «Из-за решетки». Заглавие уже само давало уразуметь, от какой категории или направления молодых людей был этот том прислан: не то чтоб они все сидели за решеткой, но могли бы сидеть или, по крайней мере, числили себя в разряде гонимых. Но не в том дело. Письмом пояснено, что стихи принадлежат действительно разным молодым авторам, которым бы желалось знать мое мнение; мне сообщен был и адрес — кому и куда прислать ответ. Один вид этой рукописи уже сильно порадовал меня; я знал антиэстетические тенденции молодого поколения, — ну а ведь тут, очевидно, сказалась в них потребность художественной формы для выражения мысли!.. Можете себе представить, с какою жадностью принялся я за чтение... и вообразите мой ужас: не только никакого проблеска замечательного дарования, но совершенное невежество — в смысле художественном. Точно будто никаких у нас великих мастеров поэтического слова и не бывало, точно мы сызнова начинаем лепетать стихами, проделываем первые робкие опыты в русской поэзии!.. Стихотворения были разного, но одного только гражданского содержания... Я перечел еще раз и пришел к убеждению, что юные авторы, наверное, никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, не говоря уже о Баратынском, Тютчеве и других поэтах, кроме разве некоторых пьес Некрасова. Возвращая рукопись, я написал им письмо, в котором, конечно, постарался не оскорблять юного авторского самолюбия, однако же в самой мягкой форме спросил-

таки их, читали ли они такое-то и такое-то стихотворение Пушкина (или же иного поэта)? На подобный вопрос — пояснял я — наводит меня то соображение, что едва ли бы автор, например, вот этой стихотворной пьесы решился коснуться своей темы, если бы знал, что эту тему уже разработал Пушкин, да и как еще разработал! И так далее, я перебрал несколько пьес... И что же? Через несколько времени я получил ответ, что ведь это действительно так! Молодые авторы сознавались сами, что им лично не привелось никогда читать ни Пушкина, ни других поэтов, кроме разве стихов, помещенных в хрестоматиях!...»

Одним словом, оказалось, что целое молодое поколение (а может быть, и несколько их), попав под полосу писаревского влияния, под видом «прогресса» попятилось назад и осталось, по крайней мере в области литературного развития, духовно искалеченным и круглым невеждой. Можно ли было предположить, что журнальные бредни юноши Писарева, который безостановочно тискал все, что, бывало, взбредет ему в голову, и который однажды, на упрек в противоречии собственным же его словам, сказанным за год назад, простодушно отвечал: «Я развиваюсь»¹, — можно ли было думать, что весь этот, казалось бы, невинный бред способен будет отзываться в учащемся юношестве такими печальными явлениями? Стало быть, не встретил он и противодействия со стороны педагогов, или же слишком уже бессильны явились они против всеокрушающего авторитета такой «силы», как Писарев?! Да и как не быть им бессильными, когда они сами воспитывали юношей в суеверном благоговении к «последнему слову науки и жизни», сами веровали твердо, что в «последнем слове» именно и сидит «прогресс»? Молодежь и ловила жадно всякое наипоследнее слово, не желая и знать слов предшествовавших, ни старых образцов, ни исторических опытов. Все это однако ж приводит к заключению, что журнальная болтовня вовсе не остается так, без всякого воздействия на развитие нашего юношества, тем более что журналы почти вытеснили у нас и чтение и даже издание книг, — и что не мешало бы нашим журнальным публицистам подобросовестнее относиться к слову да думать иногда о последствиях, к каким может привести молодых читателей всякая легкомысленная, с плеча написанная и тиснутая речь...

Ввиду необычайной печали, охватившей, по случаю кончины Тургенева, с такою гремучею страстностью русское общество и особенно наши юные поколения, можно бы предположить, что у нас действительно происходит реакция благоприятная для истинного искусства и что волны эстетических вожделений, поднявшись со дна, грозят смыть все то грубое, грязное, противохудожественное, что в последнее вре-

мя было *по принципу* напущено в нашу «изящную» литературу. Нельзя же объяснить себе этот хмель, это почти опьянение скорби только тем, что Тургенев, по выражению «Русского курьера», «гений, пред которым преклонилась вся *Европа*»², или же сочувствием к тургеневским тенденциям и героям! К чести нашего знаменитого писателя можно сказать, что тенденциозность его была чрезвычайно бледна, почему именно и не вредила высшим условиям искусства. Что касается до героев, то никто, конечно, лучше его не воспроизвел, в ярких образах, всю духовную бескостность и дряблость или озлобленную несостоятельность российского культурного беспочвенного человека... Если же все эти демонстрации и манифестации в Петербурге в самом деле происходят из свободного, самостоятельного признания нами самими его *художественных* достоинств, из сочувствия к Тургеневу именно как к *художнику*, то можно бы только радоваться такому выражению скорби, несмотря на избыток фальши и театральности. Есть чему поучиться у Тургенева нашим молодым писателям, именно — строгому отношению его к искусству, взыскательности автора к своим собственным творениям, его изяществу и также — *опрятности*: последнему качеству тем более, что нечистоплотность все гуще и гуще завладевает нашей беллетристикой. Сочувствие к Тургеневу-писателю немыслимо без одновременного глубокого презрения и отвращения к так называемой *порнографии*, которая, изгоняемая законом из Франции, переселяется теперь к нам, грозя совсем захватить литературное поле³ и, по свойственной нам неудержимой склонности к крайнему пределу прогресса, перерождается, под авторитетным пером автора «Торжествующей свиньи»⁴, просто в русское свинство.